

ANDREI VASILYEVICH SHIPILOV

Doctor of Culturology, Associate professor, professor of the Department of philosophy, economics and social and humanitarian studies of Voronezh State Pedagogical University
Russian Federation, Voronezh, Lenin street, 86, room 413
E-mail: skriptor@icmail.ru

Russian craft in the first half of the XVIII century

Solving the problem of common features and characteristics of the formation of institutions of industrial society in Russia in the first half of the XVIII century includes the task of assessing the place, role and importance of urban crafts as an institution, is one of the carriers of early capitalist tendencies of social and economic development. A necessary condition for its solution is the analysis of factual and statistical material. In accordance with this comparative quantitative analysis has been subjected information on the number of craft and other artisans, their citizenship and social status, professional specialization, the amount of capital. It turned out that in Russia in the first half of the XVIII century there were few cities, in towns were few residents, and among the townspeople were few artisans. Russian urban craft within the period under review had the minimum organizational and technological differences from rural crafts, but if rural crafts were employed hundreds of thousands of people, in the craft - only tens of thousands. Another competitor of crafts was a manufactory, whose financial and technological potential qualitatively exceeded its possibilities. Products of manufactures and rural crafts dominated the domestic market and in the composition of exports, while the craft has experienced serious difficulties even with self-reproduction. Thus, it can be stated that in Russia during the first half of the XVIII century the urban craft-guild loses in competition with rural crafts and manufactories, so its role in socio-economic development of the country was negligible.

Key words: crafts, city, guild, trade, manufactory.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШИПИЛОВ

*доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета (394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86, к. 413)
Тел.: +7 (4732) 2-55-26-19; E-mail: skriptor@icmail.ru*

Решение проблемы общих черт и характерных особенностей становления институтов индустриального общества в России эпохи первой половины XVIII в. включает в себя задачу оценки места, роли и значимости городского ремесла как института, выступавшего одним из носителей прото- и раннекапиталистических тенденций социально-экономического развития. Необходимым условием ее решения является анализ конкретного фактического и статистического материала. В соответствии с этим сравнительному количественному анализу были подвергнуты данные о численности цеховых и внецеховых ремесленников, их подданстве и сословной принадлежности, профессиональной специализации, размере капиталов и др. Выяснилось, что в России первой половины XVIII в. было мало городов, в городах было мало горожан, а среди горожан было мало ремесленников. Российское городское ремесло в рамках рассматриваемого периода имело минимальные организационно-технологические отличия от сельских промыслов, но если последние были занятием сотен тысяч человек, то первое – лишь десятков тысяч. Другим конкурентом ремесла являлась мануфактура, финансовый и технологический потенциал которой качественно превышал возможности первого. Продукция мануфактуры и промыслов доминировала на внутреннем рынке и в составе экспорта, тогда как ремесло испытывало серьезные трудности даже с самовоспроизводством. Таким образом, можно утверждать, что городское ремесло в России периода первой половины XVIII в. было зажато между промыслами и мануфактурой, и в социально-экономическом развитии страны его роль являлась незначительной.

Ключевые слова: ремесло, город, цех, промысел, мануфактура.

Ремесло в России первой половины XVIII в.

Вопросы, связанные с историей развития городского ремесла в России первой половины XVIII в., в отечественной литературе разрабатывались такими исследователями, как А.И. Гайсинович, К.А. Пажитнов, Ф.Я. Полянский, С.И. Сакович, Е.И. Заозерская, Г.Д. Капустина и др. Однако в советский период основное внимание историков привлекала проблематика, связанная в первую очередь с развитием в России рассматриваемого периода мануфактурной промышленности, в последнее же время интерес к данному спектру вопросов вообще заметно снизился. Поэтому представляется, что новое рассмотрение и количественный анализ данных, относящихся к истории городского ремесла в России периода первой половины XVIII в., являются достаточно своевременными.

Прежде всего следует отметить, что абсолютное и относительное количество ремесленников было крайне невелико. В России рассматриваемого периода было мало городов, в городах было мало горожан, а среди горожан было мало ремесленников. В городах, количество которых варьировало, по разным источникам и оценкам, между 200 и 400, проживало горожан (посадских) от 185 тыс. душ м.п. (по I ревизии) до 228 тыс. душ м.п. (по III ревизии), что составляло всего лишь около 1/3 городского населения; при этом ремесленников среди посадских было менее

1/5. Определить более-менее точно количество лиц, занимавшихся ремеслом в России первой половины XVIII в., довольно сложно: дело в том, что сословная принадлежность ремесленников, равно как и людей иных сословий, не совпадала с принадлежностью профессиональной – не все ремесленники относились к сословию цеховых, и не все цеховые действительно занимались ремеслом.

В московский период корпоративные организации ремесленников, подобные западноевропейским цехам, на Руси отсутствовали. Довольно распространенными были артели – каменщиков, плотников и др., но они представляли собой временные свободные объединения, не монополизировавшие тот или иной вид ремесла и обладавшие очень аморфной внутренней структурой. С другой стороны, существовавшие в городах сотни, ряды, слободы являлись не ремесленными корпорациями, а фискально-полицейскими структурами, не имевшими отношения к организации собственно ремесла. Первый шаг к созданию цеховой организации был предпринят только в 1700 г., когда Петр I указал произвести перепись московских серебряников (торговцев серебряного ряда и золотых и серебряных дел мастеров), выбрать трех старост, на которых возлагалось наблюдение за мастерами, ввести клеймение изделий и свидетельства

об обучению ремеслу; при этом лицам, не попавшим в перепись, запрещалось заниматься изготовлением и продажей изделий из драгоценных металлов. В 1704 г. был издан новый указ, согласно которому все ремесленники должны были записаться у городских воевод и получить годовые паспорта на занятие ремеслом; эти паспорта нужно было получать ежегодно, уплачивая за это каждый раз по две гривны (так что это была, скорее, фискальная мера). В конце 1720 – начале 1721 г. был создан Главный магистрат, в регламенте которого содержалось указание образовать «цунфты» в каждом виде ремесла и «художества», во главе их поставить алдерманов-старшин и завести цеховую документацию. В апреле 1722 г. был издан указ, согласно которому в цех могли записываться русские и иностранные мастера (а также владельческие крестьяне, имевшие отпускные письма) на добровольных началах. В том же году было издано еще несколько указов, разрешавших запись в цехи отставных матросов, солдат и драгун (позже, в 1745 г., разрешена была запись в цехи священно- и церковнослужителей); крестьянам, работавшим на своих владельцев, а не на продажу, и казенным ремесленникам в цехи вступать запрещалось. Могли не записываться в цехи ремесленники, работавшие без вывески и только «ради дневного пропитания», зато все посадские ремесленники обязаны были записаться. В цехах были собрания (для выбора старосты) и кассы, пополнявшиеся по самообложению; цехи имели уставы – вернее, инструкции от Главного магистрата [1, с. 168–170; 2, с. 105–107; 3, с. 153, 156; 4, с. 524–532; 5, с. 176–177].

После этих указов цехи стали создаваться как в столицах, так и в провинции. В 1720-е гг. цехи были созданы в Пскове, Орле (прядильный цех – 29 человек), в Белозере (цехи 11 наименований, 70 человек), Дмитрове (портняжный, свечной и др.), Твери (на 1728 г. здесь насчитывалось 930 цеховых), Саратове. Много ремесленников было записано в цехи в Москве и Петербурге: по ведомости 1722 г., в Москве в цехи (146 цехов – точнее, профессий) было записано 6271 человек, по ведомости 1726 г. – 6885 человек (153 цеха), по ведомости 1731 г. – 8566 человек. В 1722 г. из 6271 человек, записанных по 146 специальностям, 71,2% объявили себя мастерами, 14,2% – подмастерьями, 14,5% – учениками; однако признано было мастерами только 1858 человек, выбравшие алдерманов и их помощников и распределенные по 32 мастерствам. В 1726 г. старшины и десятские были выбраны по 70 мастерствам; в 1729 г. был создан «сборный цех» из 43 профессий, в котором было лишь 83 ремесленника. Реально количество московских цеховых ремесленников было, видимо, не столь велико: дело в том, что в ведомости 1726 г. речь идет не о наличных мастерах, а о тех, кто записался в цех в течение 1722–1726 гг., ведомость же 1731 г., вероятно, включает в себя данные не только о московских цеховых, но и о ремесленниках других городов Московской губернии (в том же деле имеется ведомость о цеховых ремесленниках девять других губерний – таковых числится 6490 человек: в Петербургской – 699, Киевской – 1901, Сибирской – 1140, Казанской – 1006, Астраханской – 847, Архангельской – 409, Нижегородской – 261, Смоленской – 215). Так или иначе, интересно то, что среди московских цеховых насчитывалось очень мало московских же посадских – т.е. городских ремесленников: из 6885 человек, записавшихся в цехи в 1722–1726 гг., их было только 758 человек – 11,01% от общего количества. Ремесленников в Москве – крупнейшем промышленном центре того времени, было вообще мало: так, в 1704 г. в пяти московских слободах были собраны сведения о торгах и промыслах от 570 человек, из которых ремесленников оказалось 85, в то время, как торговлей занимались 406 человек, а у 77 имелись иные занятия. Таким образом, среди посадских оказалось лишь 15% ремесленников; в цехи же их записалось еще меньше – на 1725 г. в Москве насчитывалось примерно 9700 человек взрослого мужского посадского населения, в состав цехов же вошли только 758 человек – около 8%. Иногородних посадских в московские цехи записалось

693 человека (10%), таким образом, доля потомственных горожан среди цеховых ремесленников равнялась 21%. К этой цифре можно еще прибавить 1460 (21,2%) московских и иногородних разночинцев (по ведомости 1729 г., московских разночинцев было 659 человек, иногородних – 708), которые тоже были в основном горожанами. Еще 365 цеховых являлись иностранцами (5,3%), 420 (6,1%) – боярскими людьми и монастырскими служками, а 3189 (46,3%) – крестьянами; московских и иногородних посадских и разночинцев было только 2911 человек, т.е. 42,3%, таким образом, горожане, все вместе взятые, оставались среди цеховых в меньшинстве. (Это при том, что в Москву шел поток ремесленников-переселенцев, покидавших свои города в поисках заработка; к 1725 г. в московский посад приписались выходцы из 105 городов, в цехи к 1729 г. записались представители 47 профессий из 76 городов). Крестьяне в 1726 г. были зарегистрированы в 108 цехах из 153, в 1729 – в 101 цехе из 149; в 30 цехах они численно преобладали, причем в 15 цехах они составляли значительное большинство, а 15 цехов состояли почти полностью из одних крестьян. Крестьяне эти были отходниками (в 1729 г. таких было 3197 человек, т.е. 82%), причем в основном помещичьими оброчниками: в 1729 г. из 2665 записанных в цехи крестьян насчитывалось 1420 помещичьих, 822 – церковных, 423 – дворцовых, в 1731 г. из 3920 крестьян 1657 были помещичьими, 1371 – церковными, 892 – дворцовыми. Таким образом, почти половина московских цеховых были владельческими крестьянами, которые приписывались к цехам на время и не являлись собственно городскими ремесленниками, в то время как цеховых ремесленников-москвичей было лишь чуть больше 1/10.

Так обстояло дело в старой столице; в Петербурге ремесленники были переписаны еще в 1721 г., оказалось их 1455 человек, при этом местных и приезжих посадских насчитывалось 19,6%, иностранцев – 19,5%, а помещичьих и духовных крестьян – 57,6%. В 1722 г. для записи в цехи явились лишь 523 человека – 387 иностранцев (72,3%) и 148 русских (27,7%), из которых лишь 11,9% записались в цех вечно, а 88,1% – на время; мастерами объявили себя 82%, подмастерьями – 3,4%, учениками – 14,6%. В 1722 г. цеховых насчитывалось 1858 человек, в 1723 г. – 2525; в 1724 г. алдерманы 24 столичных цехов подали новые ведомости, по которым цеховых оказалось уже 1566 человек (очевидно, количество цеховых ремесленников было величиной весьма нестабильной). Все это были люди ново-пришедшие (жителей Петербурга было лишь 20 человек), больше всего из которых перебралось в новую столицу из Ярославского, Московского, Галицкого и Костромского уездов (364; 305; 217 и 181 человек, соответственно). (По другим сведениям, в 1724 г. в Петербурге насчитывалось 1284 цеховых, 17,6% которых были посадскими). Приписавшие временно к цехам иногородние ремесленники надолго в столице не оставались: по ведомости 1731 г., во всей Петербургской губернии значилось лишь 699 цеховых, из которых 1/3 составляли иностранцы [6, с. 54–65; 7, с. 64, 97; 8, с. 238–259]. Таким образом, к началу 30-х гг. в цехах по всей стране находилось, по имевшимся у правительства данным, лишь 15 тыс. человек – цифра совершенно незначительная по сравнению не только со всем населением страны, но даже с численностью горожан.

В провинциальных городах количество ремесленников исчислялось десятками, реже – сотнями; относительно много ремесленников было только в сибирских городах, где они жили в основном на посадах. Так, в Калуге в 1719–1720 г. было 156 ремесленников (из 5924 посадских), в Переяславле-Залесском в 1720 г. – 70, в Зарайске в том же году – 102, Хлынове – 165, Соликамске – 95, Кунгуре – 137, Верхотурье – 110, Тюмени – 140, Тобольске – 323, Енисейске – 117, Томске – 380. Доля ремесленников среди всех посадских составляла в 1723 г. в Свияжске 49,4%, в Дмитрове в 1705 г. – 20,4%, в 1715 г. – 15,4%, в Твери в 1728 г. ремесленников было 41,8%, в Муроме в 1744 г. – 54,7%, в Гороховце в 1745 г. – 44,4%, в Юрьеве-Польском в конце 40-х гг. – 20,9%, в Хлынове тогда же – 61,6%.

В Каргополе в 1720 г. из 1380 посадских ремесленниками были 53 человека, в Вятке из 1623 посадских ремеслом занимались 164 человека, в Курске из 2554 посадских было 160 ремесленников (в 1719–1720 гг. – 100 ремесленников из 2380 посадских), в Белеве из 2098 посадских – 43, в Мценске из 743 посадских – 51 ремесленник. В Иркутске в 1735 г. из 2292 человек населения посадских было 1082, цеховых – 107; в Селенгинске в 1737 г. проживало 384 человека, из них посадских – 118, цеховых – 37. В Москве, по данным конца 30-х гг., из всего населения в 138 792 душ об.п. посадских и цеховых, вместе взятых, насчитывалось 23 707, причем в цехах (их было 60) состояло лишь около 3800 человек, из которых, в свою очередь, посадских было лишь 20,9%, разночинцев – 12,8%, а крестьян вместе с дворовыми – 61,4% [9, с. 71–73].

Цехи в 30-е гг., когда городские магистраты были подчинены воеводам, а Главный магистрат упразднен, вовсе пришли в упадок – вернее, просто исчезли практически везде, где были за несколько лет до этого учреждены (кроме отдельных городов – например, Саратова). В петербургском пожаре 1737 г. погиб архив Главного магистрата, и вместе с бумагами погибли цехи, которые фактически только на этой бумаге и существовали. Только в 1744–1745 гг. начинается восстановление, а по сути – новое учреждение цехов.

Восстанавливать приходилось практически с нуля: по данным II ревизии (1743–1747 гг.), в Москве имелось только 117 цеховых ремесленников, что составляло лишь 1,4% от общего числа посадских; в Петербурге их было 709 человек – 20,4% (по другим данным – 1041 человек, из них 399 иностранцев). Из 202 городов с посадским населением цеховые ремесленники были зарегистрированы только в 92 посадах: в Московской губернии цеховые имелись в 10 посадах из 51, в Новгородской в 12 из 21, Белгородской – 11/18, Воронежской – 8/24, Нижегородской – 4/7, Архангелогородской – 1/13, Смоленской – 4/5, Астраханской – 7/7, Оренбургской – 5/7, Казанской – 17/27, Сибирской – 12/20. Всего в стране с численностью населения в 9 103 387 душ. м.п. было насчитано 12 714 цеховых ремесленников. (Казань – 1221 человек (40,5% от всего населения посада), Симбирск – 1183 (35,3%), Петербург – 709 (20,4%), Саратов – 960 (46,6%), Чебоксары – 646 (36,9%), Селенгинск – 544 (32,6%), Тобольск – 509 (15,9%), Курск – 516 (15,7%), Астрахань – 453 (23,9%), Сызрань – 379 (31,7%), Вологда – 311 (1,1%), Саранск – 278 (26,9%), Енисейск – 286 (8,5%), Иркутск – 277 (10,7%), Тверь – 231 (8,1%), Смоленск – 229 (11,1%), Нижний Новгород – 226 (11,5%), Путивль – 222 (22,6%), Рыльск – 191 (20,3%), Белгород – 186 (12,3%), Ставрополь – 173 (57,2%), Томск – 171 (7,6%), Коломна – 170 (8,6%), Царицын – 159 (34,7%), Торопец – 154 (7,6%), Новгород – 151 (8,2%), Самара – 127 (33,7%), Москва – 117 (1,4%), Пенза – 116 (22,2%), Белев – 109 (5,8%), Свяжск – 99 (24,7%), Алатырь – 96 (23,8%), Севск – 92 (10,4%), Арзамас – 96 (3,8%), Брянск – 80 (5,1%), Псков – 68 (8,7%), Ржев – 64 (3,4%), Черный Яр – 63 (50,4%), Ярославль – 61 (0,8%), Тара – 57 (21,4%), Орел – 54 (1,4%), Верхотурье – 53 (8,8%), Суздаль – 47 (2,8%), Петровск – 45 (17,9%), Тюмень – 45 (3,1%), Вятка – 43 (2,8%), Исетск – 34 (100%), Челябинск – 32 (30,7%), Торжок – 32 (1,2%), Елец – 31 (1,6%), Дмитров – 30 (17,7%), Нерчинск – 30 (2,5%), Венев – 28 (2,4%), Касимов – 27 (2,1%), Мценск – 27 (2,5%), Дорогобуж – 26 (1,4%), Пронск – 25 (30,4%), Мангазей – 24 (8,5%), Воронеж – 21 (1,3%), Шадринск – 21 (100%), Ладога – 21 (3,6%), Великие Луки – 21 (3,2%), Уфа – 19 (8,4%), Туринск – 19 (4,6%), Белый – 19 (2%), Алексеевск – 15 (24,5%), Белозерск – 15 (1,6%), Цивильск – 12 (4,5%), Елатьма – 10 (0,5%), Козьмодемьянск – 10 (1%), Рославль – 9 (0,8%), Старая Русса – 8 (0,3%), Царевосанчурск – 8 (5,9%), Тула – 8 (0,3%), Кизляр – 7 (29,1%), Рязань – 7 (0,5%), Кадом – 6 (0,6%), Уржум – 6 (3,6%), Кунгур – 6 (0,3%), Яранск – 5 (1,8%), Порхов – 5 (8,9%), Переяславль-Залесский – 4 (0,4%), Романов – 3 (0,3%), Олонек – 3 (0,1%), Новосиль – 3 (2,4%), Курмыш – 2 (2,2%), Острогжск – 2 (0,6%), Павловск – 2 (0,6%), Хоперская крепость – 2 (1,8%),

Красный Яр – 2 (2,8%), Омск – 1 (2,9%), Трубчевск – 1 (0,1%) [10, с. 34]. Таким образом, один цеховой приходился на 716 человек населения.

Меры для восстановления цехов принимались весьма решительные: так, московский магистрат выделил несколько своих членов для общего руководства, полицмейстерская канцелярия объявляла во всех районах города о записи ремесленников под расписку – чтобы никто не брал на работу мастера без свидетельства от магистрата, а лавочники ничего не покупали у не записанных в цех, избранные из купечества люди должны были следить за выполнением указа о запрещении промысла не-цеховым. После всего этого в магистрат явилось для записи всего 88 человек, и даже к началу 50-х гг. в Москве было только 56 цехов, в которых состояло лишь 247 человек (1753 г.), а к 1762 г. эта цифра возросла всего лишь до 319 человек. В Петербурге к 1755 г. было 705 цеховых, из них 445 русских и 260 иностранцев; в Белоозере в то же время было 11 цеховых, Твери – 277, Астрахани – 543 (из них 322 армян, 48 татар и 173 русских), Кунгуре – 409, Соликамске – 373, Иркутске – 295, Казани – 674, Тобольске – 276, Устюжне-Железнопольской – 134, Великих Луках – 132, Томске – 147, Нижнем Новгороде – 106, Тюмени – 45, Пензе – 23 (из них семь посадских), Вятке – 30, Галиче – 38, Чердыни – 32, Уфе – 16, Воронеже – 15, Царевосанчурск – 5, Переяславле-Залесском – 5 [4, с. 543–550].

По III ревизии (1762–1766 гг.) количество цеховых в России увеличилось лишь на 685 человек – их было насчитано 13 409 человек; цехи существовали в 104 городах из 227. В Москве оказалось 396 цеховых, в Петербурге – 265 (по II ревизии было 117 и 709 человек, соответственно). В Коломне, Суздале, Туле, Веневе, Рязани, Пронске, Кизляре, Новосиле, Тюмени, Томске, Таре, Омске, Енисейске цеховых на этот раз не обнаружили, зато появились цехи в 38 городах, где их не было во время II ревизии (Кострома, Нерехта, Углич, Кинешма, Рыбная слобода, Норская слобода, Калуга, Одоев, Осташков, Устюжна Железнопольская, Каргополь, Вязьма, Скопин, Тамбов, Рязск, Балахна, Юрьев-Польский, Ядрин, Обоянь, Болхов, Карачаев, Слободск, Орлов, Котельнич, Архангельск, Холмогоры, Великий Устюг, Лалск, Сольвычегодск, Галич, Солигалич, Нарым, Кетск, Балаханский острог, Ильинский острог, Кабанский острог, Илимск, Якутск – всего 2986 человек цеховых). В 25 городах количество цеховых заметно увеличилось, в 28 – уменьшилось, в девяти осталось практически на прежнем уровне. Интересно, что даже за год до проведения ревизии одна ведомость 1761 г., в которой были собраны данные по 33 городам (всего было зарегистрировано 5145 цеховых), дает цифры, аналогичные цифрам III ревизии, только по двум городам, по пяти городам цифры почти совпадают, зато по восьми городам цифры даются меньшие (по Москве – на 138 человек, Калуге – на 55 человек, Сызрани – на 233 человека), а по 15 – большие (по Алатырю – на 29 человек, Торжку – на 54 человека, Чебоксарам – на 86 человек) [3, с. 165–168; 2, с. 125, 129–132, 136]. Таким образом, цеховая организация, по сравнению с предшествующими десятилетиями, более устойчивой не стала.

Созданные правительством цехи не отвечали своему предназначению; они должны были составить постоянный фонд квалифицированной рабочей силы, которую казенные ведомства могли бы использовать в любое время по своему усмотрению, однако приспособить цехи к исполнению казенных работ не удавалось – мастеров было слишком мало, а казна платила за работу не слишком щедро, так что на требования различных ведомств предоставить в их распоряжение цеховых мастеров магистраты и ратуши часто отделивались отписками. Цех не мог установить своей монополии на производство того или иного вида изделий – внецеховые ремесленники из купцов и крестьян-промышленников поставляли свой товар на рынок, и у алдерманов не было реальных средств помешать этому. Кроме того, в России первой половины XVIII в., где торговля сосредоточивалась не столько в городских лавках и торговых рядах, сколько на сельских ярмарках и торжках,

просто отсутствовала техническая возможность клеймить все поступающие на рынок товары и осуществлять действенный контроль за их реализацией. Не выдерживал цех и конкуренции с мануфактурой – мануфактуристы нередко монополизировали выпуск той или иной продукции, и в возникавших по этому поводу конфликтах победа чаще всего оставалась за фабрикантами. Наконец, цеховые не имели сколько-нибудь устойчивого положения в городских учреждениях, которое позволило бы им отстаивать свои интересы: в ратушах и магистратах главенство принадлежало купечеству, купцы же стремились к тому, чтобы перевалить на плечи цеховых груз многочисленных казенных повинностей, лежавших на горожанах.

Но и внецеховое ремесло развивалось очень замедленно: по отношению ко всему посадскому населению доля ремесленников по-прежнему была чрезвычайно низкой. По ведомости Комиссии о коммерции 1764 г., в 131 городе, по которым были получены сведения, доля ремесленников (цеховых и внецеховых) среди всех жителей посада колебалась от нуля в Васильсурске, Гдове, Кашине, Бежецке, Лихвине, Мосальске, Козельске, Звенигороде и Волоколамске до 88,8% в Кунгуре, средняя же цифра ремесленников оказалась равной 15,4% (42,6% горожан занимались торговлей, 42% – работой по найму) [3, с. 136–141]. Если взять данные III ревизии по всему посадскому населению страны (228 тыс. душ м.п.), то численность этой части горожан окажется равной 35,1 тыс. человек (душ м.п.), что составит 0,003% по отношению ко всему населению империи: таким образом, один ремесленник приходился на 331 человека, а один цеховой ремесленник приходился на шесть горожан и на 866 человек всего населения страны.

Правда, следует учитывать, что, помимо цеховых, в городах работали и внецеховые ремесленники, а с другой стороны, цеховые ремесленники работали не только в городах. Так, в середине века цеховые ремесленники работали на некоторых московских и петербургских мануфактурах, а на заводах Южного Урала к началу 60-х гг. насчитывалось 2236 человек цеховых (656 мастеров, 487 подмастерьев, 423 ученика, 670 работников). На четырех сибирских заводах в 1765 г. работало 476 цеховых (посадских здесь было 227, крестьян и разночинцев – 2970). На заводе А. Демидова в 1746 г. было 750 мастеров, 428 подмастерьев, 404 ученика; правда, цехов они не образовывали и самостоятельными производителями не являлись (в казенных учреждениях тоже работали мастера, подмастерья и ученики: так, в Адмиралтействе на 1727 г. числились 51 мастер, 48 подмастерьев, 99 учеников), хотя занимались зачастую именно ремеслом. С другой стороны, отнюдь не все записанные в цех занимались ремеслом – так, в одном из документов середины века говорится, что в Енисейской провинции числится 3364 посадских и цеховых, однако они «*торгов и ремесла никаких не имеют*»; в Чебоксарах по ведомости 1761 г. было зарегистрировано 289 цеховых, однако среди последних имелось 149 человек, «*не имеющих ремесла*». А главное, от 1/3 до 2/3 городских ремесленников вообще не относились к сословию цеховых, а входили в сословие купцов: так, в Москве в 1747 г. числилось 534 человека «*разных мастеров, купецких людей, которые в московский цех не определены*»; упоминания о лицах купеческого сословия, занимающихся ремеслом, постоянно встречаются в документах. По ведомости 1769 г. было учтено 12 431 цеховой ремесленник, – и 23 630 купцов, занимавшихся ремеслом; всего ремесленников получалось, таким образом, 36 061 человек (в 177 провинциальных городах, а с Москвой и Петербургом – около 40 тыс.: цифра, практически совпадающая с расчетной – ведь эти данные относятся уже к 1769 г., мы же говорим о первой половине века). На одного цехового ремесленника в первой половине XVIII в. приходилось 1–2 городских ремесленника, не входящих в это сословие; однако даже с учетом этого, 35–36 тыс. ремесленников на страну, где в начале 60-х гг. насчитывалось 11,6 млн душ м.п., т.е. более 23 млн человек – это, действительно, капля в море (для сравнения: в Англии на 1702 г. было 5,5 млн жителей, из них 60 тыс. ремесленни-

ков, т.е. один ремесленник на 92 человека населения – в 9,4 раза больше, чем в России) [11, с. 137; 12, с. 48–49; 13, с. 383–384].

Городское ремесло отличалось слабой внутренней организацией, почти полным отсутствием структур, которые позволили бы ему если не расширяться, то хотя бы нормально самовоспроизводиться. У русских ремесленников первой половины XVIII в. почти не было подмастерьев и учеников: как сами они в большинстве пришли в городское ремесло со стороны (из деревни), так и новые кадры ремесленников поступали не из самих мастерских, а все из той же деревни. При образовании столичных цехов в Петербурге оказалось 82% мастеров, 3,4% подмастерьев и 14,6% учеников, в Москве мастерами объявили себя 71,2% ремесленников, 14,2% – подмастерьями, 14,5% – учениками; таким образом, в Петербурге на одного мастера приходилось 0,04 подмастерья и 0,19 ученика, в Москве – 0,2 подмастерья и 0,2 ученика. Иными словами, в новой столице один ученик приходился на 5–6 мастеров, один подмастерье – на 24 мастера, а в старой один ученик – на пять мастеров, и также подмастерье. Еще выразительней была ситуация в провинции: так, в Верхотурье на 196 ремесленников было лишь девять учеников – на одного мастера приходилось 0,05 ученика, на одного ученика – 22 мастера [9, с. 77]. В этих условиях естественно, что со смертью мастера исчезало и его мастерство – недаром в документах того времени формулировки типа «*одни мастерские умерли, а другие разбрелись безвестно*» встречаются постоянно, и ревизские и другие ведомости то и дело отмечают отсутствие ремесленников там, где они были незадолго до этого вроде бы в достаточном количестве, равно как и наоборот. Даже у ремесленников-горожан наследственная преемственность ремесла была редким явлением. Более того, ремесленники меняли свои профессии с удивительной легкостью: так, московские разночинцы – казенные ремесленники, мастерские Денежного, Печатного, Пушечного двора, Оружейной палаты, записавшиеся в цехи, лишь в исключительных случаях продолжали заниматься делом, технически близким к их старой профессии. В большинстве наблюдалось совсем иное: бывшие печатники – наборщики, словолитцы, теродорщики, батырщики, рудники превратились в иконописцев, серебряников, сусальников, шапочников и сапожников, мастера Денежного двора – кузнецы, монетчики, плавильщики, стали красильщиками, гребенщиками, оконщиками, столярами; один «*Оружейной палаты стрельщик*» стал мастером козлиного красильного цеха [8, с. 243–244].

Цикл «*ученик – подмастерье – мастер – ученик*» фактически отсутствовал, ремесленники появлялись в городах из деревни, и туда же уходили. Более того: даже в тех случаях, когда у ремесленников оказывались ученики, чаще всего и те, и другие являлись не посадскими, а именно крестьянами. Так, в Москве из 205 ремесленных учеников на 1702 г. местными посадскими были 43 человека (21%), иногородними – 13 человек (6,3%), еще 37 учеников (18%) было из разночинцев, в то время как из крестьян было 77 учеников (37,6%), из боярских людей, монастырских служек и холопов – 35 человек (17,1%). В 1714 г. из 149 московских ремесленных учеников собственно москвичей из посадских было 23 человека (15,4%), иногородних посадских – 9 человек (6%), разночинцев – 25 человек (16,8%), в то время как крестьян – 64 человека (43%), боярских людей и холопов – 27 человек (18,1%). При этом среди самих мастеров, взявших учеников, год от года становилось все меньше посадских и все больше – крестьян: если в первом десятилетии XVIII в. на долю московских посадских здесь приходилось 53,2%, казенных мастеров – 21,5%, разночинцев – 10%, а ремесленников из крестьян, взявших учеников, насчитывалось лишь 9,3% (с дворовыми – 10%), то в 1714 г. крестьяне взяли уже 77 учеников (51,7%), в то время как казенных ремесленников среди обучавших своему ремеслу мастеров насчитывалось 25%, а посадских, московских и иногородних вместе – менее 10%. В 1725 г. крестьяне

составили 30% от общего числа ремесленников, взявших учеников [14, с. 113–115].

Незначительное количество учеников и подмастерьев говорит и о производственно-экономической слабости городского ремесла. Дело в том, что срок ученичества был более продолжительным, чем это требовалось для освоения мастерства: учеников брали на 5 лет, реже на 3–4 года (у портных и сапожников) – установленный при введении цехов в 1722 г. 7-летний срок ученичества реально не соблюдался. В то же время для обучения мастерству требовалось 2–3 года, иногда даже один год (в случаях, если ремесленник сам платил за обучение, или помещик отдавал в обучение своего дворового и платил за это). Остальное время ученик должен был проработать на хозяина (кроме того, что ученик работал на него и в процессе обучения) – т.е. ученичество являлось своего рода формой использования наемного труда; подмастерье же был просто наемным работником, получавшим от мастера плату за свой труд. Ремесленники нанимали работников очень редко: в некоторых московских цехах совсем не было мастеров, использовавших наемный труд (в пуговичном, где состояло 59 человек, шляпном, где состояло 135 человек, в других такие случаи были единичными (на 1400 человек сапожного цеха отмечено 10 случаев использования наемных работников, причем только в двух случаях – по два работника, в остальных – по одному), и лишь в нескольких цехах использование наемных работников было широко распространено (из 37 мастеров масляного цеха 17 имели 37 работников, восемь мастеров держали по три работника, один – восемь; 25 мастеров свечного цеха держали наемных работников, у двух позументщиков было 11 работников). В Петербурге в 1741 г. регистрационные книги Полицейстерской канцелярии зафиксировали 70 актов о найме рабочих столичными ремесленниками (которых, по II ревизии, было 1041 человек), нанято было 170 человек; при этом 54 ремесленника-иностранца наняли 162 работников, а пять русских цеховых – восемь работников. Что касается провинции, то здесь случаи найма ремесленником 1–2 работников были и вовсе единичными [1, с. 172–173; 2, с. 165; 7, с. 107].

Ремесленникам было не до найма: в основной массе они едва сводили концы с концами, вкладывая в дело минимальный капитал и довольствуясь микроскопической прибылью, а то и обходясь без оной. Так, по сказкам московских посадских 1704 г., «в деле», т.е. в расходе на закупку сырья и инструментов, они имели такие суммы: три шапочника – по 1 руб. «в промыслу», портной, изготовлявший монашескую одежду, – 2 руб., другой портной – 5 руб., гончар – 6 руб., оконщик – 6 руб. и т.д.; редкий ремесленник имел в деле больше 7–10 руб., и только у серебряников размер вложенного в их производство капитала поднимался за счет использовавшегося ими драгоценного сырья до 25–60 руб. По сравнению с XVII в. столичные ремесленники стали не богаче, а, наоборот, беднее: в 1634 г., когда был произведен пятинный сбор, т.е. уплата чрезвычайного налога в 1/5 от имущества и дохода («живота и промысла»), портные уплатили в среднем по 2/3 руб., сапожники, плотники, хлебники – 1–1,5 руб., скорняки и кожевники побольше, кузнецы – по 6–7 руб., серебряники – по 18 руб. Из 626 учтенных ремесленников 201 уплатили до 1 руб., 167 человек – до 2 руб., 100 – от 2 до 3 руб.; от 10 до 15 руб. заплатили 23 человека, по 20 руб. заплатили 15 человек, по 30 руб. – 5 человек, по 60 руб. – 4 человека, 2 человека заплатили по 100 руб. (всего по 14 черным сотням и слободам имуществом на сумму до 5 руб. владели 44,7%, до 50 руб. – 46,7%, до 100 руб. – 4,5%, от 100 до 250 руб. – 2,2%, свыше 250 руб. – 1,9% дворовладельцев). Многие ремесленники не располагали капиталом, необходимым для закупки сырья, и потому работали на заказ и даже в случае работы на продажу брали материалы в долг – до реализации товара. Прибыль у самых состоятельных достигала 20–30 руб. в год, в то время как у многих она описывалась словами «только что сыт бывает». Десятиный оклад с ремесленников колебался от 10 коп. до 1 рубля, чаще всего – 40–50 коп.;

позднее с них стали брать десятиалтынный оклад, т.е. годовой доход ремесленника официально оценивался в 3–5 руб. При записи в цехи оказалось, что лишь небольшая часть даже коренных московских слобожан располагает своим домом и двором (в основном бывшие казенные и дворцовые мастера), остальные же снимали помещение: более состоятельные – избу за 1–2, иногда 5–6 руб. в год, другие – угол за 1–2 руб., а то и за 10–20 алтын в год; о специальных производственных помещениях, мастерских, речь вообще не шла [15, с. 202; 16, с. 126, 288; 17, с. 467].

Специализация ремесла была весьма высокой: скажем, обработкой меди занимались мастера почти двух десятков профессий – котельники, пуговичники, звездошники, мастера медного мелочного дела, перстней и запонок, гвоздей каретных, мастера литейного, отливного, басменного, медного крестового дела, безменного и рассыпного, медных цепочек, колокольчиков, крестов, серег, медной проволоки. Среди ремесленников, записавшихся в 20-е гг. в московские цехи, встречались специалисты самого разного профиля: здесь были мастера – гранильщики «*всяких камней*», насосного, зеркального, стульного, обручного, «*очешного и зажигательного стекольного*», манатейного, паникадильного и шандального дела, «*серебряных сережных станков*», пудряного, фижменного, «*арганистного*», «*подбойного подволошного*», «*живодерного*», «*перукмакорского*», «*птичного клетошного*», «*протупейного*» и «*портупейного*» дела и т.д., вплоть до специалистов по изготовлению «*восковых фигур и бумажных цветов*», «*сахарных овощей*» и «*крупичитых немецких колачей*». Однако не эти специальности определяли лицо московского ремесла: специалисты в эти и подобные им «дел» насчитывались единицами, а в лучшем случае десятками, в то время как в сапожный цех было записано (в 1722–1726 гг.) 1416 человек (20,6% от числа всех цеховых ремесленников), портняжный – 885 (12,8%), скорняжный – 389 (5,6%), серебряный – 267 (3,9%), маркитантский – 215 (3,1%), рукавичный – 202 (2,9%), крашенничный – 201 (2,9%), калачный – 186 (2,7%), шапочный – 168 (2,4%), плотничный – 150 (2,2%), каменный – 139 (2%), шляпный – 135 (2%), иконописный – 132 (1,9%), столлярный – 115 (1,7%), медный мелочной – 95 (1,4%), позументный – 84 (1,2%), оловяничный – 84 (1,2%), квасной – 78 (1,1%), сусальный – 72 (1%), оконничный – 62 (0,9%), медно-котельный – 51 (0,7%), и т.д. В основном это были старые ремесленные профессии (большинство из них фигурирует в московской переписи 1638 г. – тогда в столице было учтено 2367 ремесленников), часть которых существовала и в качестве деревенского ремесла и отхожого промысла (плотниковое, крашенное дело и др.), но в то же время появились и специалисты по изготовлению вещей, спрос на которые возник в петровское время – шляпы, эфесы, галуны, позументы, парики и пр. В Петербурге больше всего насчитывалось ремесленников, изготовлявших продукты питания и одежду – в новом строящемся городе был устойчивый спрос на товары первой необходимости. Так, в 1724 г. в цехе пирожников состояло 339 человек (22% от общего количества цеховых ремесленников), калачном – 160 (10%), рыбном – 127 (8%), хлебом – 68 (4%), квасном – 49 (4%); портных было 245 человек (15%), сапожников – 153 человека (10%), еще 32 человека (3%) изготовляли позументы, парики и отделявали овчины. Всего производством продуктов питания занимались 48% ремесленников новой столицы, в изготовлении одежды и обуви было занято 28% мастеров. За ними следовали медники – 161 человек (10%), кузнецы – 50 человек (3%), столяры – 37 человек (2%), серебряники – 37 человек (2%), свечники – 29 человек (2%), оконничники – 23 человека (2%), гончары – 21 человек (1%), слесари – 18 человек (1%), золотари – 17 человек (1%); такая же ситуация сохранялась здесь и в начале 40-х гг. [6, с. 54–65; 4, с. 539–540; 18, с. 111–113].

В провинциальных городах ситуация была несколько иной – где-то насчитывалось больше шапочников, где-то – сапожников, где-то – кузнецов, где-то – серебряников, но нигде не было такого количества мастеров, изготовлявших продукты питания, и специалистов по выделке париков,

позументов, эфесов и пр. изделий, имевших спрос среди военных и дворянства. Можно попробовать определить удельный вес того или иного ремесла по разному количеству городов в разное время: так, в 1720 г. в пяти городах (Каргополе, Вятке, Курске, Белеве, Мценске) было кузнецов – 80, сапожников – 79, портных – 42, калачников и хлебников – 35, серебряников – 33, кожевников и сыромятников – 26, горшечников – 22, красильщиков – 16, плотников – 15, свечников – 15, шапочников – 11, скорняков – 10, иконописцев – 8, каменщиков – 7, кирпичников – 6, черепичников – 6, медников и котельников – 6, рыболовов – 6, мясников – 6, мыльников – 5, солодовников – 5, золотарей – 4, маслобойщиков – 4, войлочников – 4, колокольных мастеров – 2, овчинников – 2 [2, с. 77–78]. Таким образом, из 455 ремесленников 29 профессий больше всего оказалось кузнецов (17,6%), сапожников (17,4%), портных (9,2%), калачников и хлебников (7,7%) и серебряников (7,3%) – мастера этих пяти специальностей составляли 59,2% от всех ремесленников.

По данным конца 40-х – начала 50-х гг. из 18 городов, где работало 2755 цеховых ремесленников (Кунгур, Соликамск, Иркутск, Казань, Тобольск, Устюжна-Железнопольская, Великие Луки, Томск, Нижний Новгород, Тюмень, Пенза, Вятка, Галич, Чердынь, Уфа, Воронеж, Царевосанчурск, Переяславль-Залесский), сапожников, башмачников, чеботарей и котовщиков среди них было – 430, кожевников, строгальщиков и сыромятников – 329, кузнецов – 276, кирпичников и каменщиков – 186, портных – 165, рукавичников – 139, плотников – 131, хлебников, ситников, крупеников, пряничников и калачников – 125, чарочников – 107, серебряников – 90, медников – 77, мыльников – 74, шапочников – 63, рыболовов – 61, котельников – 56, красильщиков и крашенинников – 52, извозчиков и ямщиков – 49, мясников, мясных резников, мясосолов и прасолов – 47, скорняков – 45, иконописцев – 35, свечников – 35, масленников – 31, столяров – 28, оконечников – 27, лощманов – 19, резчиков – 17, гребенщиков – 16, войлочников – 14, тележного и санного дела – 14, овчинников – 13, чулочников и шерстобитов – 13, горшечников – 9, шляпников – 8, коробейников – 7, золотарей – 6, канатных прядильщиков – 5, оловянных дел – 4, маляров – 4, мельников – 4, седельщиков – 4, маркитантов – 3, бочкарей – 2, паяльщиков – 2, коновалов – 2, синельников – 1, парикмахеров – 1, вощаников – 1, переплетчиков – 1, пильщиков – 1, алмазного дела – 1, корабельного дела – 1, замочников – 1, часовщиков – 1, слесарей – 1, токарей – 1, огородников – 1, жестяников – 1 [4, с. 546–550]. (В нескольких случаях, когда давалась одна цифра по ремесленникам нескольких специальностей, мы сочли возможным разделить общее количество ремесленников на число профессий и полученные цифры добавить в соответствующие данные по этим профессиям.) Таким образом, из ремесленников этих семидесяти с лишним профессий больше всего в данных городах работало изготовителей обуви (15,6%), кожевников (11,9%), кузнецов (10%), кирпичников и каменщиков (6,7%), портных (6%), рукавичников (5%), плотников (4,7%), хлебников и калачников (4,5%), чарочников (3,9%), серебряников (3,3%), медников (2,8%), мыльников (2,7%), шапочников (2,3%); представители первых пяти профессий – сапожники, кожевники, кузнецы, каменщики и портные составляли 50,2% от количества всех ремесленников.

В ведомости 1761 г., охватывающей 5145 цеховых ремесленников 33 городов (Петербург, Москва, Симбирск, Торжок, Чебоксары, Смоленск, Калуга, Сызрань, Старая Русса, Скопин, Ржев, Архангельск, Юрьевец-Повольский, Самара, Нижний Новгород, Кострома, Одоев, Алатырь, Свияжск, Устюжна Железнопольская, Дмитров, Воронеж, Тула, Таруса, Углич, Бежецк, Ладога, Петровск, Козьмодемьянск, Уфа, Курмыш, Новгород), последние составляли около 60% от общего количества ремесленников в этих городах [2, с. 133–140]. 67,8% цеховых принадлежали к 10 видам ремесла – 1/9 от всех профессий, представленных в ведомости. Больше всего было сапожников – 695 человек (13,5%), затем шли кузнецы – 566 человек (11%),

портные – 455 человек (10,8%), рукавишники – 425 человек (8,2%), кожевники – 279 человек (5,4%), плотники – 242 человека (4,7%), серебряники – 213 человек (4,1%), прядильщики – 177 человек (3,4%), шапошники – 174 человека (3,4%), печники, кирпичники и каменщики – 172 человека (3,3%), калашники и булочники – 130 человек (2,5%), скорняки – 99 человек (1,9%), красильщики – 98 человек (1,9%), свечники – 98 человек (1,9%), мясники – 89 человек (1,7%), столяры и резчики – 82 человека (1,6%), медники – 55 человек (1%), живописцы и маляры – 45 человек (0,9%), гранильщики – 38 человек (0,7%), хлебники – 38 человек (0,7%), шляпники – 36 человек (0,7%), гончары и горшечники – 35 человек (0,7%), сыромятники – 28 человек (0,5%), парикмахеры – 25 человек (0,5%), шерстобиты – 22 человека, овчинники – 20 человек, извозчики – 14 человек, бочары – 8 человек, солодовники – 7 человек, решетники – 4 человека, седельники – 4 человека, сусальщики – 4 человека, переплетчики – 3 человека, перчаточники – 3 человека, шпажники – 3 человека, квасники – 2 человека, гвоздишники – 1 человек, санники – 1 человек, и др. Таким образом, представители первых шести профессий – сапожники, кузнецы, портные, рукавишники, кожевники и плотники составляли 53,6% от общего числа цеховых ремесленников.

Мы не знаем, какие профессии доминировали среди внецеховых ремесленников, однако вряд ли они сильно отличались от цеховых профессий: так, в одной ведомости «*Московским купцам имеющим разные мастерства*», упоминались серебряники, медники, кузнецы, гранильщики, портные, столяры, оконечники, жестяники, шапошники, каретники, золотари, свечники, оловяничники, иконники, гончары [4, с. 551–552]. Но то, каким ремеслам отдавали предпочтение цеховые мастера, мы, используя вышеприведенные цифры, можем установить: итак, в Москве в 1722–1726 г. в первой десятке оказались сапожники (20,6% от числа всех цеховых ремесленников), портные (12,8%), скорняки (5,6%), серебряники (3,9%), маркитанты (3,1%), рукавичники (2,9%), крашенинники (2,9%), калачники (2,7%), шапочники (2,4%), плотники (2,2%). В Петербурге в 1724 г. места распределялись так: пирожники (22%), портные (15%), калачники (10%), сапожники (10%), медники (10%), рыбники (8%), хлебники (4%), квасники (4%), кузнецы (3%), столяры (2%) и серебряники (2%). В пяти провинциальных городах среди ремесленников, не входивших еще в цехи (1720 г.), ситуация выглядела так: кузнецы (17,6%), сапожники (17,4%), портные (9,2%), калачники и хлебники (7,7%), серебряники (7,3%), кожевники и сыромятники (5,7%), горшечники (4,8%), красильщики (3,5%), плотники (3,3%), свечники (3,3%). По 18 провинциальным городам второй половины 40-х – первой половины 50-х гг.: сапожники (15,6%), кожевники (11,9%), кузнецы (10%), кирпичники и каменщики (6,7%), портные (6%), рукавичники (5%), плотники (4,7%), хлебники и калачники (4,5%), чарочники (3,9%), серебряники (3,3%). И по 33 городам, включая обе столицы, на 1761 г.: сапожники (13,5%), кузнецы (11%), портные (10,8%), рукавишники (8,2%), кожевники (5,4%), плотники (4,7%), серебряники (4,1%), прядильщики (3,4%), шапошники (3,4%), печники, кирпичники и каменщики (3,3%). Таким образом, сапожники, портные и серебряники оказались упомянутыми во всех пяти случаях (средний показатель, соответственно, 15,4%; 11,3%; 4,1%), группа калачников, хлебников и пирожников, а также кузнецы и плотники – в 4-х случаях (12,7%; 10,4% и 3,7% соответственно), кожевники вместе с сыромятниками, а также рукавичники – в 3-х случаях (7,8% и 5,4%), кирпичники вместе с каменщиками, а также крашенинники и шапочники – в 2-х случаях (5%; 3,2% и 2,9%), а скорняки, маркитанты, медники, рыбники, прядильщики, квасники, столяры, горшечники, чарочники и свечники – по одному разу.

Правда, показатели по двум столицам в период образования цехов не очень характерны – так, в Москве совсем нет кузнецов, зато есть скорняки и маркитанты, которые больше ни разу не встречаются, а в Петербурге огромное количество хлебников, калачников и пирожников (36%),

здесь же рыбники и квасники, которые больше нигде не встречаются, и то же – медники и столяры. Поэтому для расчета итоговых показателей лучше взять цифры по пяти и 18 провинциальным городам и данные 1761 г. по 33 городам, включая столицы: здесь мы имеем и цеховое ремесло, и ремесло до образования цехов, и более-менее представительные серии данных разных лет как по провинции, так и по столицам. Сапожники, кузнецы, портные, кожевники с сыромятниками, серебряники и плотники встречены во всех трех случаях (соответственно, 15,5%; 12,9%; 8,7%; 7,8%; 4,9% и 4,2%), рукавичники, калачники с хлебниками и кирпичники с каменщиками – в двух случаях (6,6%; 6,1%; 5% соответственно), крашенинники, шапочники, прядильщики, горшечники, чарочники и свечники – по разу.

Таким образом, наиболее распространенными среди городских мастеров и обладавшими наибольшим удельным весом ремеслами были сапожное, кузнечное, портняжное, кожевенное, серебряное, плотницкое, рукавичное, калачное и каменщицкое: профессии, требующие достаточно высокой, но не высочайшей квалификации (кроме, может быть, ювелирного дела), широко распространенные, частью встречавшиеся и в виде деревенских промыслов – кроме портняжного, сапожного, ювелирного, каменщицкого и калачного дела. Впрочем, в составе московских цехов в 1726 г. из 855 портных было 302 человека крестьян (35,3%), в 1731 г. – 276 из 955 (28,9%); из 1416 сапожников в 1726 г. было 686 крестьян (48,4%), в 1729 г. – 725 из 1546 (46,9%), в 1731 г. – 729 из 1546 (47,1%); из 267 серебряников в 1726 г. было 93 крестьянина (34,8%), в 1731 г. – 149 из 383 (38,9%); из 411 калашников и хлебников в 1726 г. крестьян было 390 человек (94,9%), в 1729 г. – 509 из 537 (94,8%) [8, с. 248]. Таким образом, участие крестьян в первых трех из этих самых распространенных в городе ремесел выражалось в пропорции от 1/3 до 1/2, а калачники и хлебники почти пополю были крестьянами.

Мы можем проверить наши выводы о наиболее распространенных в России ремеслах на материале приведенных в исследовании М.Я. Волкова данных по городам Северо-Запада России периода первой четверти XVIII в. [19, с. 70–212]. (Тверь, Торжок, Ржев, Старица, Углич, Кашин, Бежецк, Кинешма, Новая Ладога, Тихвин, Порхов, Каргополь, Великие Луки, Торопец, Псков; нами использованы данные за годы, когда было учтено наибольшее количество семей ремесленников; в случае, когда цифры приведены по группам профессий, количество ремесленников (семей) делится на число профессий). Всего в 15 городах оказалось 2666 семей ремесленников 58 специальностей. По частоте упоминаний на первом месте идут кузнецы (упомянуты во всех 15 городах), на втором – сапожники, портные и крашенинники (в 14 городах), на третьем – кожевники, калачники и серебряники (в 13 городах), на четвертом – солодовники и рыболовы (в 11 городах), на пятом – плотники, кирпичники, свечники и иконники (в восьми городах), на шестом – хлебники, мясники, овчинники, рукавичники, шапочники и медники (в семи городах), на седьмом – харчевники, оконники и скорняки (в шести городах), на восьмом – квасники, котельники и седельники

(в 5 городах), на девятом – мельники (в четырех городах), на десятом – пряничники, масленники, пирожники, слесари и гончары (в трех городах), на одиннадцатом – столяры, токари, хомутники, войлочники, чулочники, прядильщики, сережники, пуговичники, мыловары, ситники и гребенщики (в двух городах), и на последнем, двенадцатом месте оказались упомянутые по одному разу кисельники, гороховники, замочники, гвоздари, донники, ружейники, шубники, шерстобиты, золотари, оловяничники, переплетчики, коновалы, белильщики, бочары, кафельники и стекольники. По общему числу семей той или иной специальности впереди всех шли кузнецы (367 семей; 13,8% от общего количества), затем сапожники (273; 10,3%), калачники (159; 6%), кожевники (141; 5,3%), крашенинники (121; 4,5%), портные (119; 4,5%), рыболовы (115; 4,3%), серебряники (112; 4,2%), иконники (95; 3,6%), солодовники (71; 2,7%), рукавичники (66; 2,5%), мясники (60; 2,3%), овчинники (59; 2,2%), хлебники (58; 2,2%), скорняки (45; 1,7%), кирпичники и масленники (по 36 т.е., по 1,4%), плотники (35; 1,3%), замочники (33; 1,2%), шапочники (32; 1,2%), свечники с харчевниками (по 26, т.е. по 0,9%) и др. Таким образом, здесь в первой десятке оказались представители почти тех же самых ремесленных специальностей, что и в целом по стране. (Рыболовы, которых было много в городах этого региона, не являются в полном смысле слова ремесленниками, огромное количество крашенинников можно объяснить тем, что Северо-Запад был специфически льноводческим краем, а число иконников получилось столь большим потому, что Кинешма являлась одним из центров иконописного дела – из 95 упомянутых иконописцев здесь работали 81; солодовники обошли рукавичников лишь на 2/10 процента, и только плотников и каменщиков оказалось значительно меньше, чем по стране, однако следует помнить, что число семей не тождественно числу работников.) Кузнецы, сапожники, портные, кожевники, серебряники, калачники – вот наиболее распространенные ремесленные профессии в рамках данного региона, и это подтверждает наш общий вывод по всем российским городам первой половины XVIII в.

Городское ремесло в России рассматриваемого периода с большим трудом вычленилось из моря разнообразных сельских промыслов: между ними практически не было организационно-технологических отличий, поэтому о ремесленной культуре как особой сфере культуры производства можно говорить, в определенном смысле, лишь условно. Промыслы были занятием сотен тысяч, ремесло – десятков тысяч; ремесло и промысел находились в разных «весовых категориях», их удельный вес в общем объеме производства был просто несопоставим – в то время, когда продукция сельских промыслов не только обеспечивала внутреннее потребление деревни, но и широко потоком шла на городской рынок и на экспорт, ремесло и самовоспроизводилось-то с трудом, а о том, чтобы конкурировать с мануфактурой, добиться доминирования на внутреннем рынке, даже речи не было. Таким образом, городское ремесло в России периода первой половины XVIII в. было как бы «зажато» между промыслами и мануфактурой, и в социально-экономическом развитии страны его роль являлась незначительной.

Литература и источники

1. Пажитнов К.А. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра I // Исторические записки. 1940. № 8. С. 168–170.
2. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1960. 200 с.
3. Кизиветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. 810 с.
4. Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 8. С. 524–532.
5. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. 286 с.
6. Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II. М.; Л. 1950. 562 с.
7. Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. 515 с.
8. Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720-х годов // Исторические записки. 1953. № 42. С. 238–259.
9. Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России в начале XVIII века // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 71–73.

10. Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л.: Наука, 1974. 214 с.
11. Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М.: Наука, 1985. 247 с.
12. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
13. Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899. 476 с.
14. Капустина Г.Д. Из истории ремесленного ученичества в Москве в начале XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. научн. тр. М., 1961. С. 113–115.
15. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Т. 2. М.: Мир, 1925. 440 с.
16. Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. М.: Наука, 1988. 312 с.
17. История Москвы. Т. 1. Период феодализма. XII–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 778 с.
18. Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М.: Госполитиздат, 1957. 367 с.
19. Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1994. 230 с.

References

1. Pashitnov K.A. *Remeslennoe ustroistvo v Moskovskoi Rusi i reforma Petra I* [Organization of craft in Muscovy and the reform of Peter I] *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1940, no. 8, pp. 168–170.
2. Polyanskiy F.Ya. *Gorodskoe remeslo i manufaktura v Rossii XVIII v.* [Urban craft and manufacture in Russia of the XVIII century]. Moscow, MSU Publ., 1960. 200 p.
3. Kizivetter A.A. *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII stoletiya* [Burgher community in Russia XVIII century]. Moscow, 1903. 810 p.
4. Gaisinovich A.I. *Tsekhi v Rossii v XVIII veke* [Guilds in Russia in the XVIII century] *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences], 1931, no. 8, pp. 524–532.
5. Ploshinskiy L.O. *Gorodskoe ili srednee sostoyanie russkogo naroda v ego istoricheskom razvitii ot nachala Rusi do noveishikh vremen* [Urban or average estate of the Russian people in its historical development from the beginning up to modern times Russia]. Saint Petersburg, 1852. 286 p.
6. *Materialy po istorii krest'yanskoj promyshlennosti. T. II.* [Materials on the history of peasant industry]. Volume 2. Moscow-Leningrad, 1950. 562 p.
7. Zaozerskaya E.I. *Razvitie legkoj promyshlennosti v Moskve v pervoi chetverti XVIII v.* [Development of the Light Industry in Moscow in the first quarter of XVIII century]. Moscow, 1953. 515 p.
8. Sakovich S.I. *Sotsial'nyi sostav moskovskikh tsekhovykh remeslennikov 1720-kh godov* [The social composition of the Moscow guild of craftsmen 1720s] *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1953, no. 42, pp. 238–259.
9. Zaozerskaya E.I. *K voprosu o zarozhdenii kapitalisticheskikh otnoshenii v melkoj promyshlennosti Rossii v nachale XVIII veka* [On the question of the origin of capitalist relations in the small industry of Russia in the beginning of the XVIII century] *Voprosy istorii* [Questions of History], 1949, no. 6, pp. 71–73.
10. Semenova L.N. *Rabochie Peterburga v pervoi polovine XVIII veka* [Workers of St. Petersburg in the first half of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 214 p.
11. Cherkasova A.S. *Masterovye i rabotnye lyudi Urala v XVIII v.* [Artisans and workmen of the Urals in the XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 247 p.
12. Kirilov I.K. *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva* [Flourishing condition of All-Russian State]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 443 p.
13. Rodzhers T. *Istoriya truda i zarabotnoi platy v Anglii s XIII po XIX vek* [The history of labor and wages in England from the XIII to XIX century]. Saint Petersburg, 1899. 476 p.
14. Kapustina G.D. *Iz istorii remeslennogo uchenichestva v Moskve v nachale XVIII v.* [From the history of craft apprenticeship in Moscow at the beginning of the XVIII century] *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii* [The questions of social and economic history and source study of the feudal period in Russia]. Moscow, 1961. pp. 113–115.
15. Kulisher I.M. *Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva. T. 2.* [History of the Russian national economy]. Volume 2. Moscow, Mir Publ., 1925. 440 p.
16. Khromov P.A. *Oчерки ekonomiki dokapitalisticheskoi Rossii* [Essays on the pre-capitalist economy of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 312 p.
17. *Istoriya Moskvy. T. 1. Period feodalizma. XII–XVII vv.* [History of Moscow. Volume 1. The period of feudalism. XII–XVII centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. 778 p.
18. Khromov P.A. *Oчерки ekonomiki feodalizma v Rossii* [Essays on the economy of feudalism in Russia]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 367 p.
19. Volkov M.Ya. *Goroda Verkhnego Povolzh'ya i Severo-Zapada Rossii. Pervaya chetvert' XVIII v.* [Towns of Upper Volga region and the North-West of Russia. The first quarter of the XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 230 p.